

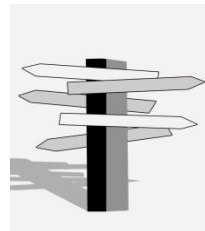
Юрий Белиловский

СТИХИ

(Из сборника «Эмиграммы»)

В тоске и нервном кураже я отъезжал на ПМЖ

Отвальная

*1993 год. Январь. Алма-Ата
АЭИ. Родная кафедра ТЭУ.*

Святое дело - стол в дорогу накрываем,
Слова - как песня: Уважаешь?.. Пей до дна...
Их, разрывая в клочья душу, вспоминаем,
запоминая новых родин имена.

Вначале сильно спорили насчёт закуски;
коньяк, шампанское, на сколько питухов...
Ну а в конце концов всё обошлось по-русски -
с битьём стаканов и чтением стихов.

Я как виновник чувствовал себя в порядке,
терзал гитару, жалко, лопнула струна,
потом ещё чего-то с гиком и вприсядку
и с кем-то трепетной прощался у окна.

Шеф прослезился: Лучшие уходят наши,
и я с умом поддакивал ему в ответ:
Известно, пуля-дура, да и штык не краше,
а вон не метят в лычку, целят в эполет.

Он запечалился: Ты прав, к едреней маме.
Потом, огурчиком домашним закусив,
спросил меня в упор, суровея глазами:
А где, положим, твой билет на Тель-Авив?

Я отстранился молча, сделалось неловко,
все сразу стали притворяться, что спешат,
и по-саперски разряжая обстановку,
я шефу выпить предложил на брудершафт.

Спасибо молодому - из-за винегрета
с гранёным красного уверенно привстал,
гусаря и пренебрегая этикетом:
Там тоже люди, точно, я на днях читал.

...Я хунвейбином шурился и улыбался,
заместо хе бычка в томате зачерпнул
и, натурально, чтоб народ не возбуждался,
стал делать вид, мол, я вообще лечу в Сеул.

Подслушанный разговор

Рутинные дела, усушки и утруски,
я трубку приподнял, чуть щёлкнул рычажок...
Там говорили двое, не спеша, по-русски,
и дрогнула рука, не отпустил, не смог.

- Так как же ты живёшь? - Ты думаешь, я знаю?

- Ну что за ерунда?! Ты вроде не старик.

- Да разве я живу? Я просто срок мотаю,
теперь уже чуть-чуть, а в общем я привык.

- Не горячись, земляк, какие наши годы.

- А я не горячусь, да вот дела плохи,
я чуть притормозил и выпал из колоды,
сейчас бы всё вернуть, и не дают грехи.

- Вернуться и вернуть? Попробуй, будешь первым.

- Не надо, я прошу, не по себе и так,
хотя ты где-то прав, совсем ни к чёрту нервы
или схожу с ума, всё наперекосяк:

хочу заснуть - не сплю, беру перо - бросаю,
и голова болит, что дел невпроворот,
и, странные дела, про баб не вспоминаю.

- А может, по чуть-чуть? - Ты знаешь, не идёт.

- Без женщин и не пьёшь, видать, и впрямь сурово.

Зверушку заведи, собачку, и пройдёт,
там что-то в голове на место встанет снова.

- Собачку, говоришь? А вдруг она запьёт?..

И знаешь, вдруг заметил, время побежало,
три года, как один, как на передовой.

- Ну, что ж, давай назад да начинай сначала.

- Начать-то я начну, да я теперь другой.

- Не ты один, здесь тоже всё переменялось.
- Да я же заезжал, ты мне не говори,
всё то же, сколько раз оно ночами снилось...
- Ты гостем приезжал, посмотришь изнутри.

- Ещё тревожат сны: берёзы, речка, кони.
Я, вроде, городской. Наверно, заболел.
- Да, крестный говорил, что так бывает в зоне,
когда выходит срок. Ну, что ж, сам бог велел.

Ну ладно, как семья? - Да вот старшой не пишет.
- Ты ж знаешь, с почтой тут, ты б лучше позвонил.
- Дозвонишься до вас, скорее съедет крыша.
- Жена? А что жена... Я трубку положил,

подумал, боже мой, в таком хитросплетеньи
из бесконечных судеб, дел, проблем, помех
наткнуться на своё живое отражение.
Неясно, как с женой... Хм... Наверно как у всех.

Тянусь к календарю и обвожу устало
сегодняшнюю дату, сколько их уже
обведено вот так и сколько их осталось
в моём календаре, в больной моей душе.

Стихи о паспорте

*Ариец с примесью - не истинный ариец
(Царь Соломон)*

Итак, я нееврей. Он невелик на деле
словарь, где «н» и «е» как чирей на губе:
нерусский, нееврей, нечеловек и нелюдь,
ну, кто-нибудь ещё, не ведомый тебе.

Конечно, нееврей. А мог ведь быть евреем,
норманном, шерпой с гор, мордвой - наверняка,
и что с того, что я надёжней и быстрее,
раз в стартовом листе открыжен гандикап.

А, ладно, нееврей. Но пусть по прейскуранту
расплатятся со мной носители вины
за то, что молодого Борю-лейтенанта
студентка Антонина дождалась с войны.

Что-что, но нееврей!?. Прикормленный мацою,
я б душу заложил, но что-то не даёт,
и там, где я - оно, я, кажется, с гнильцою,
а где наоборот, по-моему, сойдёт.

А может, ствол к виску? Душа порхнёт на волю,
телесное стечёт по каплям в пустоту...
Но состою из двух двойняшек-семядолей,
в которую стрелять? Вдруг выберу не ту.

Мальчишка сероглазый скоро повзрослеет,
и что сказать ему? Наверно - виноват,
ещё - не жди, пока на генный код просеют,
стреляй, малыш, навскидку, на небе простят.

Пикник

Шабаш и баста! Запирай контору,
беги в шинок, картошку отвари,
все на пикник, на дачу, к черномору,
жизнь приключенье, что ни говори.

Как витязь в бой, как сукин сын на вязку,
как я хотел за этот перевал!
Там чудеса, там леший, всё как в сказке.
Теперь добрался и затосковал:

кавказский князь, красавец и задира,
тачает дратвой чьи-то сапоги,
за кофе бабы курят трубку мира
и не простые бабы, а яги.

Хоттабыч тихо дремлет за дувалом,
али-баба на боевой тропе...
Да, занесло, поллитры будет мало.
Из сказки - леший, да и тот в кипе.

Ну, ладно, завтра встану спозаранку,
стряхну росу, плохое отмолю,
на землю кину скатерть-самобранку,
глотну вина, картошку посолю,

потом тоску на нет разбавлю красным,
потом глаза прикрою, а потом
оборочусь иосифом прекрасным...
Нет, бог с ним, с йосей, ваней-дураком.

На печь залезу, пусть подсадят снизу,
к камням нагретым прислонюсь спиной,
зажму в кулак просроченную визу
и прикажу печи: Давай домой.

То ль полугрусть полуулыбки, то ль полусмеха полуплач

Мой марафон

Я не с бодуна, я в разуменьи,
словно вепрь, проворен и силён.
Ну, решил размяться, в день рожденья
пробежать по-грецки марафон.

Сорок две версты с коротким гаком,
постарался ж кто-то, отмерял.
Впрочем, всё равно, трусцой ли, шагом -
безразлично, лишь бы добежал.

Марафон тебе не стометровка,
перенапрягаться не моги,
тут нужна особая сноровка
там, где надо, выключить мозги.

Тактику построили по-русски:
первую десятку не спеши,
оглядись, не горячись на спусках,
потерпи, подъёмы отпаши.

Полпути туда, потом обратно,
поворот увидишь, тумбы, стол.
Улыбнись судье, ему приятно,
важно, чтоб заполнил протокол.

Кто не знает: цель соревнования -
массовость, и чтобы с огоньком.
Я готов: в груди огонь желанья,
справка, номер, кепка с козырьком.

День на славу - солнце и под тридцать,
и братва - тут непростой народ.
Главное, сейчас не обмочиться,
а потóm всё потóm изойдёт.

Всё, пошли! Лиха беда начало!
Старт, и оцетинился, как ёрш,
а не то оттопчут – всё пропало,
в давке плавников не соберёшь.

Первые пятьсот: «Полёт нормальный»,
ветер в спину, холодок нутром,
как ямщик перед дорогой дальней,
ох, запеть бы «Степь да степь кругом».

Пересохло горло так шершаво...
Из толпы, сквозь строй, издалека
столько рук в поддержку слева, справа...
Отхлебнул холодного пивка.

Полпути долой единой волей,
Растянулись - кто во что горазд.
Вон судья, обнять по-братски, что ли?
До чего ж пригожий, но не даст.

Я хорош: круги перед глазами,
сильный крен на левое крыло,
в башмаках, в футболке и с часами
я тяну на сорок пять кило.

Двадцать пять - то спазмы, то икота.
Что там? Сердце, печень - не пойму.
Знал мудрец, чем хорошо работать,
лучше плохо отдыхать в Крыму.

Тридцать шесть-пятьсот: «Иду вслепую»,
весь боекомплект - как в молоко.
Нет, не дотяну, иль ветром сдует,
надо ж уродиться чудачком!..

Финиш, в бога мать! Лежу и грежу:
поле, речка, розовый закат,
скромный камень на могилке свежей
с неслучайным совпаденьем дат.

Мужская печальная

*Середина 90-х. Посвящено первой попытке
(в тот раз возвратной) любимой женщины
обрести свободу.*

Ваше дело сторона,
а тут опять ушла жена.
Утопиться б, да до моря не близко.
По балкону схожу,
в ящик скучно погляжу,
пообедаю холодной сосиской.

Припев-рефрен:

*Что же делать мне теперь - неизвестно,
мне в постели у жены нету места.
Женитальями взмахну,
душу настезь распахну,
ух, и выберу ж себе я невесту!*

В забубенстве и тоске -
так кобель на поводке
бьёт хвостом по исхудалому телу.
Эх бы напрочь всё забыть,
в созерцании побыть,
только как бы не запить, суд да дело.

Припев:

Не лежится на спине,
гложут мысли о жене.
Время лечит, да когда ж это будет.
На работе жду звонка,
и вообще, кишка тонка,
нету силы пребывать в светлом moode.

Припев:

Брызну Шипру на усы,
справлю новые часы,
помаячу перед запертой дверью.
Нет любви без потерь,
только как же мне теперь,
распрекрасное моё чудо в перьях?

Припев:

Два романса

Вы так галантны и нежны,
мне это кажется приятным,
мне это кажется занятным,
а впрочем, вы мне не нужны.

Вы так внимательны ко мне,
вам стоит, право, расстараться,
я начинаю сомневаться,
но не скажу ни да, ни нет.

Какое чудо слышать вас!
Но продолжаю сомневаться.
Да, я почти готова сдаться.
Нет, что вы, что вы, не сейчас!

Вы так щекочете умно
душистым усом у запястья,
что я всецело в вашей власти,
жаль, на уме у вас одно...

Ах, я почти покорна вам,
долгой ничтожные сомненья,
роняю лёгким мановеньем
боа пушистое к ногам.

Таким вас видела во сне:
неудержимы, как лавина!
Какие мощные пружины
разбередили всё во мне!

Ах, что ж ты делаешь со мной?!
Твоя любовь меня сгубила!
Какой ты милый, милый, милый!..
Ах, боже мой, ах, боже мой!

* * *

...Нет, как права была маман,
что глаз да глаз за мужиками.
И тараканы вон с усами.
Смотри, как щупает глазами!
Кругом обман, один обман.

Ну, говори, чего ты ждёшь?!
На гимназисток больно падкий!
Мамзель желаете в кроватку?!
Тебе бы саван да лампадку,
примеришь - глаз не оторвёшь.

Ну, отвечай! Ты что, заснул?
В глаза гляди, ты не мужчина!
Что, потянуло на малину?!
Ну что же ты за кобелина!
Ты хоть бы в зеркало взглянул.

Налюбовался, аполлон?
Тебе же в богадельню надо,
а то дорвёшься до детсада,
тебе там будут страшно рады.
Как ты мне гнусен и смешон!

Что ты нашёл в ней, отвечай?!
Ты что молчишь, тетеря сонный?!
...Зачем же так бесцеремонно?!
Я, блин, тебе не дездемона!
Души, души, да меру знай.

...Да я видал тебя в гробу!
Ты посмотри, ты ж разве баба?!
И место знать своё могла бы.
Небось, покажется не слабо,
рога-то мигом отшибу.

Унесённые ветрами

Зарисовка с натуры.

Посвящается энтузиасту-учёному в эмиграции

Всё же в шалую годину
уродились мы с тобой:
и не кормлена скотина,
и беспутство и разбой,
и науки в захиреньи,..
тут - еда и благодать,
дерзких мыслей озаренья...
Парадиз, едрёна мать!

То ль под пасху, то ль в прощёный,
в общем, как-то налегке
забежал наш друг Учёный
с инфузорией в кульке.

Мы, как водится, с похмелья
сразу козыри на стол:
Захватил, мол, парень, зелья,
раз уж с закусью пришёл?

Он сперва взглянул сурово,
после вожжи отпустил
и научным крепким словом
приструнил и пригвоздил:

От халявы обленились!
Чай, не с жмыха, не с лузги
жиром-плесенью покрылись
ваши серые мозги.

Для природы-златошвейки -
что блоха, что кашалот...
Эта тварь - пустяк, копейка -
миллионы бережёт.

Не смотри, что недотрога,
чуть помнётся, понудит,
пожуёт, вздремнёт немного
и энергию родит.

Ты ж прочувствуй перспективу
и давай, дырявь сюртук...
Комсомол, даёшь красиво
днепрогэс и учкудук!

Да и дел-то - тачку ила
под навесом распуши,
чтоб не спортить хлорофилла -
малость феном подсуши,

а фильтрат спусти - и в тару:
на розлив воды святой,
для тушения пожаров
и потенци крутой.

А остатки из сушилки
мягким веничком сметёшь -
и хоть в чай, хоть на опилки,
хоть шиньон себе сплетёшь.

А щепотку брось по разу
под укроп, под огурец!..
А бригада водолазов!?. -
Безработице - конец!

От её распространенья
Нет трудящему житъя.
Буревестник обновленья -
инфузория моя.

А лосьона наготовлю!
А портвейного вина!
А пигмента - красить кровлю!..
Жалко, крен дала она.

Ностальгия

*"Блаженный юноша, он одержим любовью
и в поцелуе умереть готов..."*

Как мужик, конечно, он
и удачлив, и силен.
Бабы падают вповалку,
оборвав с себя нейлон.

В ярком имидже предстал,
попирая пьедестал,
ординарной нету силы
обуздать бабоповал.

Предвкушая мордобой,
нервно прядает ногой,
озабочен сексуально
и вообще хорош собой.

Но в оказии любой
для помеченных судьбой
раз на раз не попадает,
и порой бывает сбой.

Проглотив пустой упрёк,
хмуρο взяв под козырёк,
всхотнув неоднозначно,
извлекает он урок.

И, понятно, отчудил:
грех в болото погрузил
и зачатъем непорочным,
погрязая, пригрозил.

На путях мирских утех,
возбуждаясь от помех,
веря в щедрую природу,
он нацелен на успех.

В вожделении дрожа,
вдоль по лезвию ножа...
Жизнь-копейка, а копейка
для размена хороша.

К трёхлетию пребывания в эмиграции

Новая жизнь. Промежуточный итог

Я был кремирован в момент, но неумело,
заело тачку, может, шкворень закусил.
Чудак какой-то, видно, крепко с опохмела
заместо дров сырого торфа подложил.

На небеси апостол переволновался:
Какого хрена, мол, волынить не моги,
клиент готов, а ты опять проворовался,
плесни мазутцу да не спорти сапоги.

Лежу прилично, только пяткой подгораю,
не бью тревогу, не божусь и не нудю.
Тот раззадорился, подпихивает с краю,
сомлел, упарился, а сапожок - тю-тю.

Но нет, вошёл-таки, лиха беда начало,
тебе б в стройбат, тебе бы не было цены.
Вот потянуло сквознячком из поддувала,
теперь палёным, видно, занялись штаны.

Я всё дымился и потрескивал печально,
щенок поскуливал тихонько от тоски,
комочки сажи тлели в дымоходах дальних
да за ушами догорали волоски.

1996

Именины зайца

* * *

В кабинете моём в два окошка на запад
на панельной стене у меня за спиной
на листочке случайном написано «папа»
неокрепшей рукой, бесконечно родной.

Нарисованы буквы неровно и криво,
первый «па» доминантой и длинный пробел.
Получилось как есть, получилось красиво,
и я знаю, он выразил то, что хотел.

Он доверчив и честен, он склонен к сомненьям,
он упрям и раним, но умеет прощать.
Я ценю его дружбу, моей отраженье,
и надеюсь и верю, смогу оправдать.

Сын, кровинка моя, ясноглазое чудо,
мне ладошки свои на глаза положи,
я тревогу и боль на минуту забуду,
ты мне нужен сейчас, задержись, не спеши.

Просто белый листок, просто буквы, два слога
осторожно и робко, один за другим,
будто мальчик чуть слышно шепнул это слово,
будто детские губы прижались к моим.

Именины зайца

У зайца нынче именины,
он пригласил к себе друзей,
купил на рынке апельсины
и ждёт, усевшись у дверей.

Пришёл козёл с охапкой сена:
Отличный выдался укос,
себе оставил, для обмена
да вот товарищу принёс.

Пожав козлиное копыто
хоть от души, но не совсем,
подумал заяц чуть сердито:
Я ж сена этого не ем.

Я б съел капустки иль морковки,
ну хоть нестарый лопушок...
Тут кот явился, на верёвке
таща с селёдкой мешок.

Пришёл запыхавшийся ёжик:
Ух, говорит, как я устал,
и, пыль отряхивая с ножек,
с иголки мухомор достал.

Медведь пришёл с бочонком мёда,
лиса с каким-то петухом,
и много всякого народа
его поздравили потом.

Всё было весело и чинно
и не хотелось уходить.
И как приятно в именины
дружище-зайцу угодить!

Утро

Заколдованная птица
в заколдованном лесу -
быстроглазая синица -
пьёт по капелькам росу,
мерит глазом паутину
сонный утренний паук,
длинноносый буратино
встрепенулся дятел вдруг,
муравьи - лесные духи
собираются в набег,
чуть щекочет легким пухом
одуванчиковый снег,
тихо мается кукушка:
куковать - не куковать,
гаснут звёзды на опушке...
Утро, брат, пора вставать.

Робот

Гудят моторы рокотом,
рокотом, рокотом,
как здорово быть роботом,
роботом, роботом,
будить соседей топотом,
топотом, топотом.
Они судачат шёпотом,
шёпотом, шёпотом,
что жизнь сплошные хлопоты,
хлопоты, хлопоты.
Гремят стальные чоботы,
чоботы, чоботы
и руки, словно хоботы,
хоботы, хоботы.
Но кнопка есть у робота,
робота, робота
с красивым красным ободом,
ободом, ободом.
Нажми её для опыта,
опыта, опыта,
и он замрёт без ропота,
ропота, ропота.

* * *

В добром старом шалаше
из надежд и ожиданий
лунный маятник в нирване,
трепет ласковый в душе.

Догорающий костёр,
зябнут копны на покосе,
звёзды дремлют в чистом плёсе,
сонный бриз с далёких гор.

Редкий шорох в тишине,
шёпот, словно паутина,
и окошко, как картина
Левитана на стене.

И волшебный, и земной
мир из доброй детской книжки,
где-то там живет мальчишка,
босоногий и смешной.

Не грусти

Не грусти, улыбнись,
снова волны, как качели,
брызги к солнцу подлетели
и дождём упали вниз.

Семицветной рукой
солнце волосы ласкает,
рыжих зайцев отпускает
порезвиться за рекой.

Где-то там далеко
между радугой и тучей,
невесомой и летучей,
мы гуляем босиком.

**Из рукописной книжки «Борису Юрьевичу – сыну и человеку».
28 апреля 1998 г.**

Я перебирал старые бумаги и обнаружил маленькую самодельную книжку, которую - наверное со смыслом - подарил своему младшему сыну в день рождения. Ему шесть лет, мне сорок девять. И пять лет в стране. Прочитал. И вдруг снова ощутил всё, что чувствовал тогда. Пусть будет.

***

Спи, сыночек, засыпай.
Тёплая кроватка.
Баю-баюшки, бай-бай,
Сон приходит сладкий

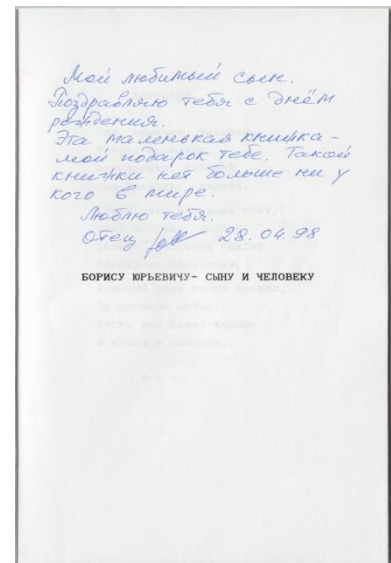
Киски спят и детки спят,
Спят игрушки, книжки,
Только звёздочки глядят
Сверху на мальчишку.

Длинный день давно прошёл,
За окошком ночь.
Пусть всё будет хорошо
В жизни у сыночка.

***

Доброе утро, любимый сынок,
Маленький мой мужичок-с-ноготок.
Киски проснулись и мордочки трут,
Солнышко встало, и птички поют.

***

***

Мальчик на улицу смотрит в окошко:
Ходит по улице синяя кошка.
Разве бывают синие кошки?!
Мы перепутали что-то немножко.

Кошка скрывается за поворотом.
Мальчик опять видит странное что-то:
Кошка ушла, а за нею спешат
Четверо синих-пресиних котят.

Кто этот маленький мальчик в окошке?
Мальчик, которому нравится кошка?
Боренька, папин и мамин сынок,
Боренька, бабы и деда внучок.

***

Тёплое, пушистое,
Нежное и чистое
Чудо на ладошке-
Маленькая кошка.

Хорошо быть кискою
Рыжею персидскою.
До чего красива
Юная Лусия!

***

Мальчик шёл по тротуару
И размахивал рукой.
У него спросили строго:
Ты, ребёнок, кто такой?

Я живу в красивом доме
Там, на третьем этаже.
Скоро мне четыре года
Исполняется уже.

Я умею чистить зубы
И могу послушным быть,
Очень нравится купаться,
Лишь бы голову не мыть.

По утрам я ем бананы,
На обед бывает сыр
Да и всякое другое,
А ещё люблю кефир.

Я умею быстро бегать
И люблю играть в футбол,
А недавно на площадке
Я лопаточку нашёл.

Так, о том, что я послушный –
Это я уже сказал,
А, мне нравится, чтоб папа
Сказку на ночь почитал.

Чем я буду заниматься?
Если спросит кто-нибудь:
Буду я водить машину,
Только подрасту чуть-чуть.

Поболтали – ну и хватит.
А теперь посторонись,
Видишь, я гуляю с папой,
А зовут меня - Борис.

Рыцарь

В старинном замке на горе
Живёт мой лучший друг.
Коня выводит на заре
Он на росистый луг.

Они бросаются в ручей,
Прозрачный, ледяной,
И в брызгах солнечных лучей
Вдвоём бегут домой.

Им хорошо, но если вдруг
Подступит к дому вор –
Всегда готов мой славный друг
Суровый дать отпор.

Крепки доспехи и шелом,
Пора, труба зовёт!
Уж конь горячий под седлом,
В поход, мой друг, в поход.

Струится плащ с могучих плеч
Качается плюмаж,
И благородный острый меч
Несёт надёжный паж.

Опять всё тихо. Враг разбит.
И в этой тишине
Домой, домой мой друг спешит
На боевом коне.

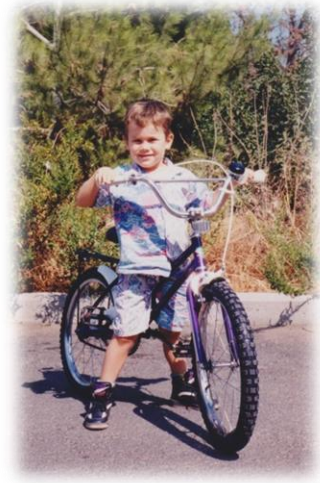
Велосипедист

Солнышко на небе,
Солнышко на спицах,
Чудо-велосипедист
По асфальту мчится.

Ветерок попутный,
А навстречу – лучше,
Наколенники и шлем
Так, на всякий случай.

Ловко и надёжно
Объезжает ямы,
И улыбка от души
Для друзей и мамы.

На велосипеде,
На велосипеде,
Словно всадник на коне,
Он летит к победе.

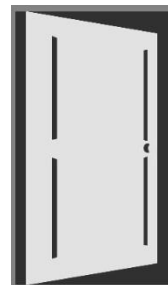
Мальчик поздно лёг вчера
И не выспался с утра,
Доктора и санитарки
Разом крикнули: Ура!
Это наш клиент,
Это пациент,
Пусть и клизму, и пилюлю
Выпишет доцент.

А пораньше он заснул,
Утром плечи развернул,
Доктора и санитарки
Закричали: Караул!
Он не наш клиент,
И не пациент,
Пусть за ним по стадиону
Бегаёт доцент.

Нешер. Конец XX века.

Весь мир мы видим во плоти, себя - в фантомах зазеркальных

Зеркало

Кто этот человек такой усталый
с печальными глазами вполнакала
за роговыми чёрными очками
и рано поседевшими висками,
чуть выбритый, бродяжки загорелый,
в случайном свитере с чужого тела,
до дыр застиранном, опять простывший,
о галстук и запонках забывший,
в когда-то модных импортных штиблетах,
на босу ногу кое-как надетых,
смешной, задёрганный, забитый, нелюдимый,
поникший, странный, нежеланный, нелюбимый,
когда-то комильфо, безукоризнен,
когда-то, там, не здесь, ещё при жизни,
всю жизнь мечтавший и ни чем не ставший
на праздник безнадёжно опоздавший
растерянный подросток перезрелый?..
Как в зеркало смотреть осточертело...

«Рыба»

Всё в жизни по закону домино:
толкнут тебя - роняй кого придётся,
а тот другого, падая, на дно
потянет за собой, не промахнётся.

Все личности наедине с собой -
шестёрки, генералы при погонах,
но кто-то выстроил нас в длинный строй,
печальный, безымянный, обречённый.

Тот, позади, что дышит за спиной,
несуетлив, угрюм, сосредоточен.
Он мой двойник, близнец, убийца мой,
но жизнь его на миг моей короче.

Тот, крайний, в плечи голову вобрал,
он впереди, вон там, в потёмках дальних -
заветный дупель, да не та игра,
им отдуплятся, но не триумфально.

А в сторону и лесом, кто найдёт?
Тесак за голенище, ром во фляжке,
тот, сзади, на пустое упадёт,
очередной не зацепив костяшки.

Нет, не могу, надёжна и крепка
и неразрывна цепь, в ней люди – звенья.
Вживаюсь в ощущение быка,
назначенного к жертвоприношенью.

Вот слышу дуновенье, тихий гул...
и кожей чувствую: сосед собрался.
Всё, время вышло! Он меня толкнул!
Валю переднего, я реализовался.

***

Я былинкой витаю по свету,
обивая ступни о кюветы,
разрываемый песней неспетой,
в паутину забвенья одетый.
Скинув одурь промозглым рассветом,
примеряю вериги-наветы,
принимаю чужие советы,
исполняю пустые заветы.
И любовь, как всегда, без ответа,
и вообще, то ли есть, то ли нету.
То, что виделось чистой монетой,
обернулось пустым пируэтом.
Не начавшись, закончилось лето,
кто-то в зеркале мерзким портретом,
чёрный пёс, колесницей задетый,
чёрный кот- неудачи примета...

Ожидание

Когда выпускаешь ожиданье
неуловимым мановеньем,
всё замирает, а мгновенья
текут легко, неуловимо
и мимо, мимо, мимо, мимо...
Ни зова, ни напоминанья.

Как многосложно ожиданье:
вначале дальний призрак цели
и размышленья, как качели,
всё нарастает амплитуда -
волна туда, волна оттуда...
И осознание желанья.

Вот цель уже сформировалась,
пусть не в деталях, полузримо,
но всё же есть, неотторжима
от неделимой главной сути.
Ещё недавно на распутье -
и позади оно осталось.

Потом сомнение возникнет,
перерастая в убежденье:
что это, как не наважденье?
Пусты и немощны потуги,
как бессловесный пони в круге...
И ожиданье тихо сникнет.

Но вот неясная надежда
степным далёким дуновеньем
приглушит прошлое сомненье,
и оживёт всё то же, то же...
Ты не противишься, не можешь,
и в ожидании, как прежде.

Оно, как чудо, ожиданье:
вот-вот, и всё вокруг очнётся,
чуть слышным всхлипом отзовется.
Ты отстранён и безучастен,
единым вздохом неподвластен
реальности существованья.

Течёт, как время, ожиданье,
часы на немощном запястье
сменяют ведро на ненастье
за разом раз, без промедленья.
Приходит позднее прозренье,
и длится, длится ожиданье.

Циферблат

Ты появляешься на свет и выпускаешь первый крик,
и на хронометре твоём чудесно возникают числа:
с обратным счётом циферблат, где предначертан каждый миг,
и циферблат нежданных встреч, случайных дат, незванных мыслей.

Отныне время состоит из двух не связанных времён:
в одном мы бодрствуем и ждём, и любим и детей рожаем,
а во втором - чуть слышный звук, неясный образ, детский сон,
они тревожат и манят, мираж и жизнь перемежая.

Ты трудно учишься ходить, судить, где истина, где ложь,
ты начинаешь видеть мир, растёшь... И толькоходишь в силу -
а где-то тикают часы: тик-так - и ты уже живёшь
наполовину в том, что есть, наполовину в том, что было.

Баланс несбывшихся надежд и состоявшихся утрат -
вчера беспечная игра, сегодня грустная реальность.
Осколки прожитых секунд летят, как поздний листопад,
в котором самый яркий лист теряет индивидуальность.

Ещё немного - и мигнёт нулями старый циферблат,
он отработал, отсчитав длину отпущенного срока.
Пора прощаться и идти, лишь брось последний взгляд назад:
там оба времени твои опять текут одним потоком.

* * *

Какие странные цветы
на той полуденной поляне:
и неприметны, и просты,
а отвернусь, и снова манят.

Тянусь притронуться рукой
совсем чуть-чуть, но нет, не смею,
боюсь, что жест невинный мой
очарование развеет.

Такие странные цвета
и непонятные желанья...
Поверхность строгая холста
раскрашена в воспоминанья.

Полузабытое вчера
в полупрозрачности весенней,
такое небо по утрам
и мамин взгляд, и день рожденья.

Сегодня всё в других тонах,
неуловимо, отрешённо,
расцвеченное, как луна,
неверным светом отражённым.

Не то уснув, не то устав,
едва придя, уже прощаясь,
тяжёлый сумрачный состав
скользит, бесшумно рельс касаясь,

по чёрным нитям серебра
неодолимо и свободно
из полустёртого вчера
сквозь неизбежное сегодня.

И бархатистым пеплом грусть,
взвихрясь вдогонку снам бегущим,
найдёт успокоенье пусть
в неосязаемом грядущем.

...Стоят, в безмолвии застыв
вне времени и вне печали,
и меди розовый отлив
ласкает серебристость стали.

Всё будет хорошо

Всё будет хорошо, поправь петлю на шее
и будет хорошо, с иголки, с нуля,
а если что не так, добавь - похорошеет
и станет хорошо, ладошки подставляй.

Всё будет хорошо, уже идут на смену,
им будет хорошо, им это по плечу,
подходит их черёд стучаться лбом о стену,
я отстучал своё, я больше не хочу.

Всё будет хорошо - шепчу свою молитву,
всё будет хорошо, придёт рассветный час,
нашарю на полу оброненную бритву
и таз, чтоб не испачкать клетчатый палас.

* * *

Карнавал, карнавал,
всё в летящем движеньи,
лиц и масок круженье,
лёгких мыслей брожение
да с искристым бокал.

Разрешите войти,
будем праздновать вместе,
будет всё честь по чести,
будет бравый брандмейстер
в нас бросать конфетти.

Ну, а если невмочь -
от тоски и досады
чуть поярче помаду,
будьте искренне рады
в эту дивную ночь.

Только раз, только раз
я предстану под маской
добрым гномом из сказки
и уйду без подсказки
в вами выбранный час.

Кто-то спросит потом:
Вы не помните гнома?
Вы по жизни знакомы?
- Он не нашего дома
и, наверно, не гном.

Но ещё не пора
и усталые феи
и князья, и лакеи
смыть румяна не смеют
до утра, до утра.

День рождения

Этот день, как запятая
в бесконечном предложеньи,
рельсов стык и стук трамвая -
день рожденья, день рожденья.

Перепутье, перекрёсток
утомительных сомнений -
отчего? Ведь это просто
день рожденья, день рожденья.

Этот вспомнит, тот забудет -
принимай без сожаленья,
пусть тебе покойно будет
в день рожденья. День рожденья.

Словно путники в тумане:
годы, дни, часы, мгновенья...
И утешит, и обманет
день рожденья, день рожденья.

Вздох неслышный, взгляд прощальный,
расставанья, примиренья...
Почему такой печальный
день рожденья? День рожденья.

Всё проходит: дни и лета,
юность, слава, вдохновенье.
Всё пройдёт, пройдёт и этот
день рожденья, день рожденья.

Кукушечка

Кувала зозуля (фольк.)

Хоть воспылав, хоть полюбя -
любой в твоих руках игрушка,
кто загляделся на тебя,
не разглядев, что ты кукушка.

Полубезумным буйством тел
всецело властвует природа,
кто любит, верит: твой удел
любовь и продолженье рода.

Но время обрывать пупок
и вить гнездо в тиши ковыльной,
а ты не дёргаешь пушок
из-под прекрасных серых крыльев.

Почистишь пёрышки, дымнёшь,
поправишь бюст, стряхнёшь дремоту,
ку-ку, ку-ку - и упорхнёшь
на карнавал, как на работу.

Лишь иногда сквозь полусон
поразышляешь отрешённо:
не для яичницы ли он,
тобой снесённый кукушонок?

А генетическая нить-
она ж откуда-то стартует:
зайчонок серый, может быть,
без ласки мамы закукует.

А дальше что из нити той?..
Нить станет крепче понемногу,
ни бог, ни царь, ни витязь злой
теперь прервать её не смогут...

И, словно иней на жнивье,
всегда манящий и бесплодный,
ку-ку негромкое твоё
печалью стелется холодной.

Юбилей

Несостоявшийся союз, не наступивший юбилей...
Средь череды обид и дат ещё одна - не так уж много.
В печальной сказке без конца мы шли и шли навстречу ей,
мы шли вдвоём, рука в руке, но каждый шёл своей дорогой.

Арба рисует на песке две бесконечных колеи,
до пяди выверен размах, нигде не уже и не шире.
Ты оглянись, вся наша жизнь - мои следы, следы твои...
Мы, как колёса той арбы, всё время рядом, а чужие.

Скрипят колёса, их маршрут фатально предопределён,
скользнёт в распутице одно - другое тянет за собою;
непешно движется арба, скрипят колёса с двух сторон,
а сбей их обручем одним, что станется тогда с арбою?

Пробьют часы, наступит срок прервать скитания свои,
арба завалится на ось, вспахав песок тяжёлым плугом,
опишет круг, потом ещё, и безысходность колеи
заменит раз и навсегда пустая обречённость круга.

Нам двадцать пять

Студенческому братству посвящается

За нашим славным дастарханом
чуть потеснитесь, это я
гранёным праздничным стаканом
тянусь к тебе, семья моя.

Далёк от славы и богатства,
я замечательно богат
настояем солнечного братства
на тихой горечи утрат.

Нам двадцать пять, увы, не слабо,
ещё полвздоха - и уже
переосмысливать масштабы
на нашем хронометраже.

Да, четверть века жизни брэнной
или великой за спиной
в наш юбилей, осеребрённый
не скупой нашей сединой.

По жизни всякое бывало,
уж так устроено в семье,
но то, что нас разъединяло,
как дым, уйдёт в небытие.

Теряют вес пороховницы,
но жар под пеплом не угас,
а нет - пусть в детях состоится
не состоявшееся в нас.

(Май 1997, Хайфа - Алма-Ата)

* * *

*Шланги, провода, дисплеи, цифры,
вдохи-выдохи аппарата ИВЛ...
Той ночью я был в палате у мамы.
Это посвящено ей.*

Уже не страшно, лишь печальный
пустой оконный переплёт,
чуть слышной музыкой прощальной
струится в шланге кислород,
дежурят цифры на дисплее,
дрожущий пульс - то вверх, то вниз
на синусоидальной шее -
во мне поддерживает жизнь.
За ритмом нервного мерцанья
полутеней, полутонов
в прозрачном розовом тумане
обрывки чёрно-белых снов.
Мир до зрачка глазного сужен,
Коснуться - грубо оборвать.
Там кто-то есть? Мне кто-то нужен?
Не упустить, понять, понять.
Кто это там манит несмело
и тянет, тянет за собой?
Моё раздавленное тело
Не откликается на боль.
Мир точкой сделался - как мило!
Успей, желанье загадай.
Там кто-то ждал. Но это было...
Я ухожу. Прощай, прощай.

* * *

Снега, кругом снега
такой плитой могильной,
что Дед Мороз двужильный
ударился в бега.

Туман, теперь туман,
намокшей ваты клочья,
фонарьи многоточья
да я мертвецки пьян.

Дожди, уже дожди,
тринадцать дней в неделе,
постылая в постели...
Пожалуйста, уйди.

Беда моя, беда:
несделанное гложет.
Что будет? Будет то же -
похмелье, как всегда.

* * *

Раздевайся до трусов,
друг фартовый да настырный,
у судьбы расклад козырный
да в колоде пять тузов.

Жизнь, как в кладке кирпичи -
будь в лаптях или на троне -
лёг кирпич - кайлом не стронешь,
хоть молись, хоть в крик кричи.

От тернового венца,
от тоски, друзей, напастей -
по браслету на запястья
да в розетку два конца.

Напоследок оглянись:
там предательства сыновьи
да разбитые любви
в два наката улеглись.

* * *

Я сухая стерня,
травы скошены в утро
и уложены мудро
и забыли меня.

Расторопной косой
всё кругом подравняло,
лёгкой пылью упало
то, что было росой.

Здесь уже не живут -
сушь да серое поле,
ветер в поле да воля,
да в душе неуют.

Ну а тронешь чуть-чуть,
бросишь взгляд на прощанье
и услышишь дыханье:
не забудь, не забудь...

Чуть шершаво руке,
чуть щекочет недлинно,
как седая щетина
на отцовской щеке.

Странная песня

Вороньим окликом с подворья
через антенные кресты
из зноя средиземноморья
в апрельский день Алма-Аты
меня уносит моя память.

Ворона, ворона,
чужие перроны,
пустые вагоны
да баржи в затонах
да тихий прибой.

Что занесло тебя, ворона,
в обетованные края,
послушать храмовые звоны
или проведать, жив ли я
в сени зелёных кипарисов?

Ворона, ворона,
штандарты-знамёна
тоской похоронной
да саваном сонным
в тиши голубой.

А не родня ли мы, ворона?
В тебе достоинство и статья,
за долгой изгородью зоны
о них я начал забывать,
а никогда бы не подумал.

Что это за птица?
Из детства синица?
Как жаль, что не спится,
ведь, может, приснится
моя заграница,
прекрасные лица
далёких друзей.

Молитва

Забери меня отсюда, отпусти мне прегрешенья
и прости душе заблудшей неоплатные долги,
где и сломанные судьбы, и фатальные решенья,
невозвратные потери и счастливые враги.

Склонили дух святой, сын божий и отец
его к измене.

Дай, всемогущий, на билет в один конец
чужому денег.

Наряд власяный и ярмо он выбрал сам,
он не в обиде,
дай только сил ему в молитвах по ночам
не ненавидеть.

Ему и чадам, въявь и в сон, сейчас и впредь,
вовек и ныне...

Плесни чуть-чуть, чтоб от тоски не умереть
ему в чужбине.

И ни души. Святого духа тоже нет,
отца и сына...

Дай, всемогущий, на билет в один конец
из палестины.

Забери меня отсюда, отпусти мне прегрешенья
и прости душе заблудшей неоплатные долги,
где и сломанные судьбы, и фатальные решенья,
невозвратные потери и счастливые враги.

* * *

По стаканам разливая
немудрёное вино,
недошедших вспоминаем,
недоживших поминаем -
так в миру заведено.

Жизнь тревожна и прекрасна:
то блаженство, то потоп,
то по глади нитью красной,
то виньеткою напрасной,
то свинцовой строчкой в лоб.

Если жил, как прогулялся -
выбрал лучшее из зол,
в жизнь шагнул – и затерялся,
кто-то вышел, как остался...
Я ж остался, как ушёл.

Горьким дымом затянитесь,
Станьте молча вокруг стола,
я не в бронзе, не в граните,
я живой, но помяните,
занавесьте зеркала.

* * *

Я родился на севере синим апрелем,
снег то падал, то плакал, капелью звеня,
снег неслышно баюкал меня в колыбели,
снег покойно и тихо укроет меня.

Две снежинки в ладони средь южного лета,
две хрусталинки тёплых в иззябшей душе -
из забытого детства пригрезилось это
между явью и сном на незримой меже.

Чуть прикрою глаза - снег сквозь синюю дрёму,
белый, призрачный, чудный, волшебный обман,
по-над крышей дымок, тропка ранняя к дому,
а открою - дожди или тёплый туман.

Где-то там Рождество, снова год на исходе.
В зазеркалье моём, в неуютном тепле
мальчик светлоголовый неспешно выводит
ёлку мокрую на запотевшем стекле.

Всё в снегу, как во сне, всё в снегу, как в дурмане.
Закричать и проснуться - нет сил, не могу,
кто-то наколдовал, нашептал, нашаманил...
Всё в снегу, как во сне, всё в снегу, всё в снегу.

Как пронзительна грусть в полувзмахе прощальном,
недодумана мысль и угас разговор,
одинокой струны резонанс уникальный,
непрожитой судьбы бесконечный укор.

Гулливеры

Всем эмигрантам посвящается

Искатель счастья Джонатан,
случившись как-то зельно пьян,
ступив на мокрый кабестан,
скользнул в пучину.
И лилипутский атаман,
примерив твидовый кафтан,
ощупав буднично карман,
сказал: С почином.

Гулливеры, гулливеры,
как вам дышится в вольерах
без заборов, без запоров и дверей?
Гулливеры, гулливеры,
внуки Марса и Венеры,
дети, может быть, живых ещё царей.

Гулливеры, гулливеры...
Лилипутовая вера,
чьи-то лики, то ль Господь, то ль Сатана...
Гулливеры, гулливеры,
тянет ладаном и серой...
Выпить, что ли? Нету, выпито до дна.

Какая сказочная ночь!
Как дома в августе точь-в-точь.
Лишь Млечный Путь куда-то прочь
полозья мажет,
да мне совсем уже невмочь,
и чья-то сватается дочь...
В стожок бы, что ли, отволочь?..
Да нет, повяжут.

Гулливеры, гулливеры...
Недодёрнута портьера,
вполнакала фитилёк на маяке.
Гулливеры, гулливеры,
ваши замки из фанеры
в одуванчиковой клумбе не песке.

Гулливеры, гулливеры...
Видно, гуляно без меры,
видно, были веселы не по летам.
Гулливеры, гулливеры,
жизнь прошла, пришли химеры.
Вот вам грошик, расплатитесь по счетам.

Кого-то любят в шалаше,
кого-то гонят по меже,
кому-то бабу в неглиже
ведут в награду.
Кому-то дорог Фаберже,
кому-то я не по душе,
кого-то шлёпнули уже...
А, так и надо.